

Сильные духом – крепче стены

Крайний случай

Туричин Илья

Пролог

Не в тридесятom царстве, тридесятom государстве, а на нашей русской земле жила простая женщина Мария Ивановна. Была она сильною и статною. Глаза синие, как речная вода на заре; коса длинная, будто сплетена из спелой пшеницы; а руки такие работающие, что все вещи их слушаются. Замесит тесто оно в квашне на глазах подымается. Склонится над грядкой – сорная трава сама прочь из земли вылезает. Сядет на трактор – трактор так и заурчит от удовольствия.

Мужа Марии Ивановны убили. И вырастила она одна троих сы-

новой: Степана, Алёшу и Иванушку. Росли братья дружно, не ссорились, матери помогали. А к тому часу, с которого наш рассказ начнётся, старший, Степан, уже на границе стал служить, родную землю оберегать.

Средний – Алёша – хлеборобом, знатным комбайнёром стал.

А младший, Иванушка, – хоть в сказках Иванушек и дурачками называют, самым способным в семье был, самым умным. Мечтал учёным стать.

Так бы счастливо и жила Мария Ивановна со своими сыновьями, если бы не война.

Светлым солнечным утром напали на нашу Родину фашисты.

Солнце заволокло дымом. Засыпало пеплом поля. Реки помутились от крови и слёз.

Первым встретил фашистов пограничник Степан. Он тогда на посту с товарищем стоял. Видят: идут несметные полчища фашистов, будто тучи саранчи.

Залегли Степан с товарищем за камень и давай по фашистам стрелять. Стреляли, пока патроны не вышли. А потом поднялись во весь рост и ну штыками колоть! И погибли в неравном бою как богатыри.

Узнала мать о гибели Степана, засеребрилась в её косе седина, поблёкли глаза от слёз.

Снарядила она на войну второго сына – Алёшу. Стал Алёша танкистом. Храбро дрался. Но удалось фашистам поджечь Алёшин танк. Бросились наши солдаты к горящему танку, чтобы Алёшу спасти, а танк – пустой. Нет там Алёши. И куда делся – неизвестно.

Пришло матери письмо, что пропал её второй сын без вести.

Совсем серебряной стала её коса. Совсем блёклыми глаза, будто вся их синева слезами вышла.

Собрался на войну младший, Иванушка, – его черёд.

До зорьки поднялась мать, хлопотала у печи, испекла из ржаной муки каравай хлеба. А как надел Иванушка солдатскую шинель и стал прощаться с матерью, подала она ему каравай и сказала:

– Народ тебя, Иванушка, и оденет, и накормит. А всё ж возьми материнский хлеб. На самый крайний случай.

Взял Иванушка в руки каравай, бережно разломил пополам. Одну половину матери вернул, вторую обернул в чистую холстину и положил в свой мешок. Поцеловал мать и шагнул за порог.

С этого-то места и начинается наш рассказ про солдата Ивана.

Глава первая, в которой рассказывается о том, как Иван "жар-птицу" поймал

Однажды Ивана вызвал к себе Генерал.

Начистил Иван сапоги, поправил ремень на гимнастёрке. Хоть и война, а солдат всегда должен быть аккуратным, подтянутым. Явился к Генералу.

– Здравия желаю, товарищ Генерал.

– Здравствуй, Иван. Слышал я о твоём старшем брате, пограничнике Степане. Героем был Степан. Воевал я вместе с твоим средним братом, танкистом Алёшей. Героем был Алёша. Теперь и для тебя есть дело трудное и опасное. Скоро начинаем наступление. Нужно "языка" добыть. Только не простого фашиста, а "жар-птицу" – фашистского офицера, чтобы побольше знал, побольше рассказать мог.

– Слушаюсь, товарищ Генерал.

– А ты не спеши с ответом, Иван. Подумай. Может, на смерть идёшь.

– На то я и солдат, своим старшим братьям брат, – ответил Иван.

Стал он готовиться к походу в фашистский тыл. Попросил у старшины мешок, положил туда верёвку, четыре десятка гвоздей да четыре дощечки. Удивился старшина такому снаряжению, но что за чем спрашивать не стал – сам Генерал приказал выдать Ивану, что ни попросит.

Надел Иван пёстрый маскировочный халат, чтобы не так заметным быть. Взял автомат. Положил краюшку материнского хлеба за пазуху и, как солнышко село, попрощался с товарищами.

Через линию фронта нелегко пробираться. Всюду фашистские глаза да фашистские уши. Пули свистят. Мины рвутся. Надо то ползти как яще-

рица, то взлетать по-птичьи, то падать на землю камнем, то замирать деревом. Но прошёл Иван через фронт невидимым, неслышимым, будто тень облачка через поле.

К рассвету на дорогу вышел. Огляделся. Кругом ели могучие стоят. Глушь. А дорога наезжена. Самое подходящее место для засады.

Достал Иван из мешка гвозди, дощечки да верёвочку. Набил гвоздей в дощечки так, что дощечки колючими, как ёжики, стали. Связал "ёжиков" верёвочкой в цепочку. Грязью вымазал, чтобы не белели. Разложил аккуратно в траве на обочине. Верёвочку через дорогу протянул, а сам спрятался в кустах. Сидит. Ждёт. Конец верёвочки в руках держит.

Загремел на дороге фашистский танк.

Пропустил его Иван мимо. "Не про меня добыча".

Протарахтел тяжёлый грузовик с брёвнами. "И эта не про меня".

Показалась из-за поворота легковая машина. Чёрным лаком блестит.

Насторожился Иван. Уж не в этой ли машине "жар-птица" сидит? Потянул за верёвочку. Из травы послушно выползли четыре "ёжика" и легли поперёк дороги.

Наехал на них автомобиль.

Трах-трах... Лопнула шина.

Выскочили из автомобиля двое фашистов. По-своему, по-фашистски, ругаются. За ними третий показался. Над губами тонкие усики. Фуражка высокая. Погоны блестят."

Ты-то мне, господин "жар-птица", и нужен", – подумал Иван. Выскочил из кустов, поднял автомат.

Та-та-та-та!.. Два фашиста свалились как подкошенные.

Скомандовал Иван офицеру:

– Хенде хох! Руки вверх!

Офицер побледнел, залопотал что-то, схватился за кобуру, стал пистолет вытаскивать.

Нахмурился Иван:

– Нехорошо, господин "жар-птица"!

Стукнул офицера легонько по голове кулаком. Тот и рухнул на землю без памяти.

Сунул Иван офицера в мешок, завязал верёвкой. Машину поджёг, чтобы больше на ней фашисты не катались. Взвалил мешок на плечо и скрылся в лесу.

Ночью линию фронта перешёл. Явился к Генералу чуть живой от усталости. Положил перед ним мешок, развязал.

– Ваше приказание выполнил, товарищ Генерал. Раздобыл "жар-птицу".

Вылез фашистский офицер из мешка злой, как собака побитая. На Ивана не глядит.

Похвалил Генерал Ивана:

– Проси, – говорит, – любую награду за подвиг.

Вытянул Иван руки по швам. Отдал Генералу честь.

– За доброе слово спасибо, товарищ Генерал. А награды мне никакой не надо. Я для народа, для Родины жизни не пожалею. Служу Советскому Союзу!

Вернулся Иван к своим товарищам. А те глядят на него и головами качают.

– Чего вы на меня так смотрите?

– Да вроде бы ты вырос. Длиннее стал.

– Чепуха, – говорит Иван. – Это

только в сказках не по дням, а по часам растут.

– А ну-ка, давай померяемся, – предложил один из солдат, Николай. – Мы с тобой в строю рядом стоим, вроде одного роста.

Стали Иван и Николай спинами друг к другу. Что за чудеса! Иван на целую голову выше.

– Вот так да! Выходит, ты не по дням, а по делам растёшь! – засмеялся Николай. – А может, ты и есть Иванушка из сказки?

– Нет, – сказал Иван. – Я не из сказки, я – обыкновенный Иванушка.

Достал он из-за пазухи холстину с краюшкой материнского хлеба,

развернул, а краюшка свежая, будто сейчас из печи. Подивился Иван. Задумался. Мать вспомнил. А товарищам ничего не сказал про хлеб. Ещё засмеют, что краюшка вдруг свежей показалась!

Глава вторая, в которой появляется Фриц – Рыжий лис

А в это время у фашистов началась паника. Тревожно звенели телефоны. Мчались во все стороны связные. Искали пропавшего офицера.

Офицер-то и в самом деле оказался не простым, а самым любимым адъютантом фашистского Фельдмаршала.

Сам Фельдмаршал лежал на походном диване в

своём походном кабинете, то и дело хватался за обмотанную мокрым полотенцем голову и визгливым бабьим голосом причитал:

– Где мой любимый адъютант? Найдите сейчас же моего любимого адъютанта! Я не могу воевать, когда пропадают мои любимые адъютанты!

Тут возник возле его походного дивана Начальник разведки и контрразведки. Он всегда появлялся и исчезал бесшумно, как змея.

Фельдмаршал вздрогнул.

– Опять вы меня напугали!

Начальник разведки и контрразведки согнулся пополам:

– Прошу прощения.

– Ну, нашли, наконец, моего любимого адъютанта?

Начальник разведки и контрразведки свернулся в клубок, только голова его, длинная и лысая, осталась торчать из воротника мундира.

– Нашли, – ответил он печально. – Но, господин Фельдмаршал, вашего любимого адъютанта не вернуть – он у русских.

– Что-о-о?! – завизжал Фельдмаршал так, что звякнули стёкла.

Начальник разведки и контрразведки спрятал голову в воротник мундира.

– Его захватил русский солдат, по имени Иван.

Фельдмаршал вскочил, затопал ногами:

– Поймать! Расстрелять! Повесить!

Начальник разведки и контрразведки вытянулся и стал похож на длинного-длинного червяка.

– Слушаюсь, господин Фельдмаршал!

Он хлопнул в ладоши, и в комнату вошёл рыжий солдат, похожий на обезьяну. У солдата были кривые ноги и длинные руки, заросшие шерстью.

Обычно у рыжих людей много веснушек. Это солнышко метит их за то, что волосы у них золотые, как солнечные лучи. А у этого рыжего фашиста лицо было бледным, без единой веснушки: солнце не любило его.

Звали фашиста Фрицем. Но за то, что он был очень жестоким, хитрым и коварным, его прозвали Фриц – Рыжий лис.

– Фриц! – важно сказал Начальник разведки и контрразведки. – Сам господин Фельдмаршал приказывает тебе не знать покоя ни днём ни ночью. Изловить, расстрелять, повесить русского солдата Ивана!

Фриц – Рыжий лис топнул ногой, поднял руку и крикнул:

– Хайль!

– Вперёд, мой любимый, храбрый Фриц! – с чувством сказал Фельдмаршал.

И Фриц отправился ловить Ивана.

**Продолжение читайте
в следующем номере журнала**

70-летию Великой Победы
посвящается....

Наши Филиппок. - 2015. - № 5-6

Сильные духом – крепче стены

Крайний случай

продолжение...

Туричин Илья

**Глава третья
в которой фашистские танки идут в
наступление, а Иван попадает в беду**

Целую неделю Фриц - Рыжий лис околачивался на передовой. Сидел в окопах. Лежал в воронках. Ползал по кустам. Всё высматривал да вынюхивал, всё прикидывал, как бы заманить Ивана в ловушку!

А через неделю пришёл к Начальнику разведки и контрразведки:

- Придумал, господин Начальник. Бросим в наступление танки и побольше автоматчиков. Пусть они прорвутся к русским в тыл. И я с ними пойду. Окружим русских - поймаем Ивана.

Так они и сделали.

Перед рассветом двинулись танки в атаку. Залязгали гусеницами, загрели пушками, защёлкали пулемётами. На танках - автоматчики и Фриц - Рыжий лис с ними.

А Иван и его товарищи в это время спали.

Вдруг:

- Тревога!

Вскочили солдаты.

Секунда - и надеты сапоги.

Вторая - шинели и каски.

Третья - автоматы в руках!

А Иван - впереди всех.

- Та-анки! - протяжно крикнул наблюдатель.

- Задержать их надо, ребята, - сказал лейтенант - командир взвода.

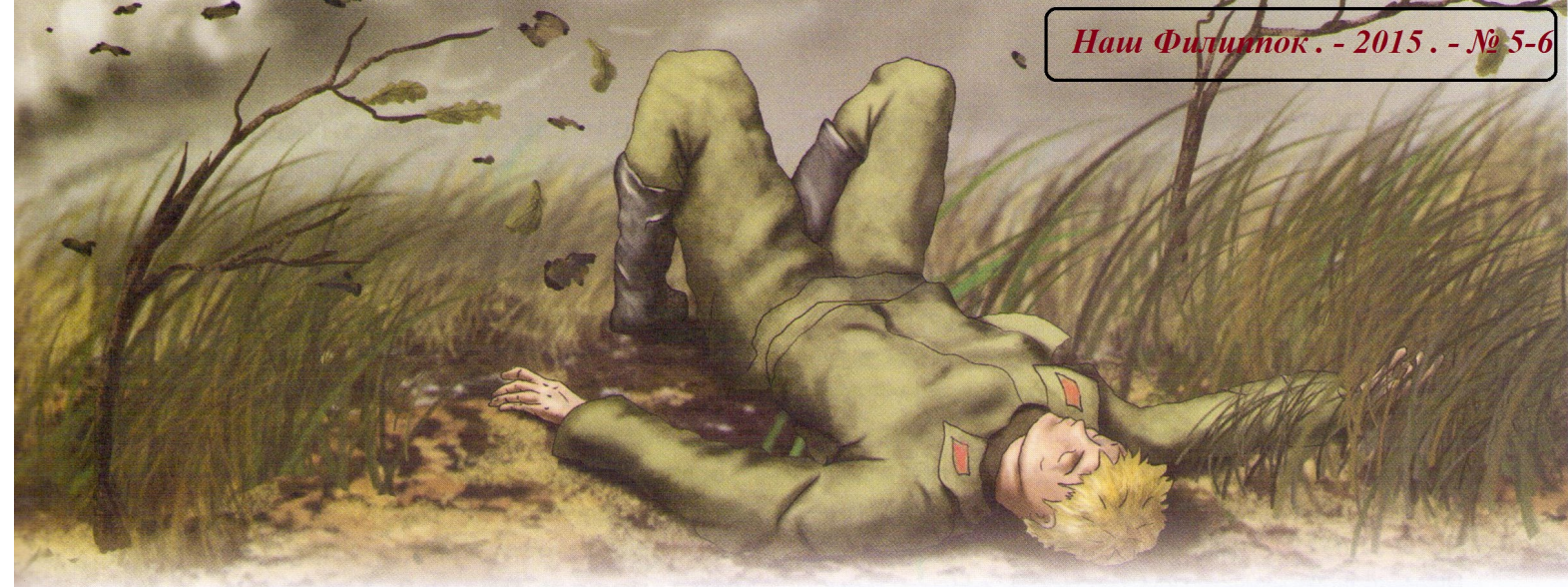
- Давайте гранаты, - обернулся Иван к товарищам.

Взял протянутые ему гранаты, связал вместе и со связкой гранат пополз навстречу первому танку.

Страх живёт в любом человеческом сердце. Даже в сердце храбреца. Но трус поддаётся страху, а храбрец - никогда!

Злобно, будто зубы чудовища, лязгали гусеницы танка, фашистские пули расклёвыва-

ли землю, но, когда до фашистского танка осталось всего несколько метров, Иван приподнялся и бросил под его гусеницу связку гранат.

Танк завыл, завертелся в бессильной ярости и вспыхнул. Спрыгнули с танка автоматчики, а с ними и Фриц - Рыжий лис.

- Вперёд! - закричал он. - Вперёд! - А сам заметался между танками в поисках Ивана. Он был уверен, что Иван где-то здесь, среди самых храбрых храбрецов.

А Иван распластался на земле, раненный осколком. Силы его убывали. Он с трудом поднял голову, чтобы попрощаться с голубющим небом и с зелёной травой. Увидел товарищей, которые ползли навстречу другому танку. Прижал слабеющей рукой к сердцу краюшку материнского хлеба и уронил голову на сырую от утренней росы землю.

Уже второй танк вспыхнул, третий, четвёртый... Несколько раненых солдат лежали на земле.

Фриц - Рыжий лис приказал схватить их всех. Если даже Ивана и не окажется среди пленных, можно выпытать у раненых, где Иван, где его искать.

Автоматчики схватили раненых солдат и уволокли в свои окопы. Так Иван и четверо его товарищей попали в беду.

Глава четвёртая, в которой Фриц - Рыжий лис рано радуется

Заперли пленных в подвале разрушенного дома. У дверей и окон поставили часовых. И даже наверху, в комнате с выбитыми рамами, посадили автоматчика. Он стучал насквозняке зубами. Боялись, что раненые советские солдаты как-нибудь умудрятся разобрать потолок и убежать.

А Иван, Николай и трое других раненых разорвали рубашки на полосы, перевязали друг другу раны. Потом тесно прижались друг к другу, чтобы было теплее, и стали думать, как бы вырваться из плена.

Очень хотелось пить и есть. Иван нащупал за пазухой краюху материнского хлеба. Снова хлеб показался ему мягким.»

Может, это и есть крайний случай? - подумал Иван. - Может, время разделить краюшку на пять долек и съесть?

Но тут пришли за ними автоматчики и повели на допрос.

В углу пустой комнаты за кухонным столом сидел Фриц - Рыжий лис. Он немного трусил, поэтому вдоль стен поставил автоматчиков. Они готовы были в любое мгновение поднять стрельбу.

- Гляди, ребята, сколько почёту, - усмехнулся Иван.

- Молчать! Не разговаривать! - крикнул Фриц - Рыжий лис. - Кто есть из вас Иван?

Пленные не отвечали.

Фриц - Рыжий лис нахмурился.

- Я спрашиваю: кто есть Иван?

- Мало ли что ты спрашиваешь. А мы отвечать не будем. Ты сперва нас накорми и напои. А потом уж спрашивай, - спокойно сказал Иван и подмигнул товарищам, которые поддерживали его под руки.

Если бы Иван твердо стоял на ногах, Фриц - Рыжий лис сразу угадал бы, что он и есть Иван. По росту. Ведь когда Иван подбил фашистский танк, он стал ещё выше.

- Накормить? Напоить? - выпучил глаза Фриц - Рыжий лис.

- А что? - сказал Николай. - Не худо бы сейчас похлепать щей.

- И помять ложкой кашу, - продолжал его сосед.

- И запить чайком, - откликнулся третий, с перевязанной головой.

- Вприкуску или внакладку? - спросил Иван.

- Впри-ку-ку-ску, - закончил четвёртый, который заикался от контузии.

Они были слабы и голодны, но у них ещё хватало сил поиздеваться над сытым Фрицем.

А Фриц - Рыжий лис был жестоким, хитрым и коварным, но не отличался умом. Он не понял, что раненые пленные издеваются над ним. «Иван глуп, - подумал он. - Накормлю его, напою, он и раскиснет. Тут я его и схвачу, и повешу».

И Фриц - Рыжий лис велел принести пленным поесть.

Щей, конечно, фашисты варить не умели. Каша у них была сухая. Из краденого пшена. Вместо чая - чуть тёпленькая водичка. Но голодные солдаты не торопясь принялись за кашу.

- Давно не видел такого дурака, как этот рыжий, - сказал Иван товарищам, облизав ложку.

- Что ты там бормочешь? - спросил Фриц - Рыжий лис из своего угла.

- Спасибо, говорю, за угощение.

- А-а-а-а... Ну, поели, попили, теперь отвечайте: который из вас Иван?

- А после обеда у нас тихий час полагается, - сказал Иван.

Фриц - Рыжий лис чуть не подавился собственным языком. Понял, что провели его русские. Не надо было их кормить, надо было голодом морить!

- Всех по одному повешу! - заорал он. Ткнул пальцем в Ивана, как в самого слабого. - Хватайте этого!

Бросились автоматчики к Ивану. Схватили. Поволокли к двери.

- Стой! - крикнул Николай. - погоди! Так всех и перевешаешь?

- Так всех и перевешаю, - сказал Фриц - Рыжий лис.

- А ежели я тебе Ивана выдам? Только одного Ивана повесишь?

- Только одного Ивана. А тебе - награда. Будешь жить не тужить. Денег тебе дадим. В Германию поедешь. А там молочные реки текут в кисельных берегах. И острова на тех реках из манной каши с изюмом! - быстро-быстро забормотал Фриц - Рыжий лис. И закатил глазки, показывая, как хорошо там будет житься.

- Ладно. Выкатывай глаза обратно, - сказал Николай. - Гляди. Я - Иван. - И он шагнул вперёд.

- А - а-а-а, - взвыл от радости Фриц - Рыжий лис. - Попался!

- Да врёт он, - сказал сосед Николая. - Киселя ему шибко захотелось. Я Иван.

И он тоже шагнул вперед.

- Нет, Иван - это я, - сказал третий солдат, с перебинтованной головой.

- Я - И-иван. Это уж т-точно, - шагнул вперед контуженный.

- Все врут, - весело сказал Иван. - Все знают, что Иван - это я!

Тут Фриц - Рыжий лис чуть не заплакал от досады. Схватил графин с водой и об пол - бац!

Один из автоматчиков, что близко от Фрица стоял, испугался, пальнул в потолок. Посыпалась штукатурка.

В ответ за окном стрельба началась.

Фриц - Рыжий лис, съёжившись, под стол полез. Спасаться.

Тут Иван сшиб с ног фашиста, который его за руку держал, вырвал у него автомат. Выбил ногой оконную раму. Выглянул наружу. Все фашисты попрятались кто куда. Только пули свистят.

Крикнул Иван товарищам:

- В окошко! Прорвёмся!

Налетели они на автоматчиков. Отняли автоматы и с автоматами в руках выскочили вслед за Иваном в окошко.

Увидел их какой-то фашист. Каску руками закрыл от ужаса да как заорёт истощенным голосом:

- Русские штаб захватили!

Тут паника ещё больше поднялась. Со всем фашисты обезумели. Палят куда попало.

А Иван повёл товарищей к лесу. Бегут солдаты, торопятся. И про раны свои забыли. Потому что нет для человека ничего дороже свободы.

А Фриц - Рыжий лис вылез из-под стола. Трясётся. Подбежал к окну. Закричал:

- Победа! Победа! Перестаньте стрелять! Русские уже удрали!

Тут только перестали фашисты стрелять. Кто жив остался, из щелей выползли, как тараканы ночью. Обнимают друг друга, поздравляют. Будто и в самом деле в сражении врага победили.

Прикатил Начальник разведки и контрразведки. Спрашивает:

- Что тут за стрельба была?

Фриц - Рыжий лис правду не стал говорить - неприятностей не оберёшься! Решил схитрить.

- Напали русские. Пленных отбивали. Но мы храбро сражались. Сто их солдат, нет, двести солдат убили.

- А где ж убитые?

- Русские своих убитых с собой унесли, - соврал Фриц - Рыжий лис.

За этот беспримерный подвиг Фрица - Рыжего лиса и того автоматчика, что первый с

испугу стрельбу поднял, когда графин разбился, наградили железными крестами.

- А где ж Иван? - спросил Начальник разведки и контрразведки.

- Иван, господин Начальник, далеко не уйдёт. Кругом колючая проволока. Её зубами не перегрызёшь!

И Фриц - Рыжий лис, прихватив с собой собаку и автоматчиков, бросился в погоню.

Глава пятая в которой и колючая проволока не преграда

Иван и его товарищи между тем шли и шли без передышки. Поддерживали друг друга. Молчали, чтобы сил не тратить на разговоры.

Впереди показался просвет - лесная вырубка, а вдоль вырубки тянулись густые сети колючей проволоки в несколько рядов.

Подожли. Попробовали подползти под проволоку. Невозможно. Перерезать? Не чем.

Приуныли солдаты. А уже собачий лай слышен. Погоня приближается.

Оглядел Иван проволоку, подумал и говорит:

- Всё равно перейдём!

И навалился на проволоку грудью.

Впились в его тело колючки. Стиснул Иван зубы.

- Переходите, - говорит, - на ту сторону по мне.

Один за другим пошли товарищи по спине Ивана. Ещё сильнее впились колючки в его тело. Четвёртый солдат спрыгнул на ту сторону проволоки, а Иван лежит, двинуться не может. Собачий лай уже совсем рядом.

- Слезай, Иван!

- Не могу. Держат колючки. В лес уходите скорее!

- Без тебя не уйдём, - сказал Николай.

Легли товарищи на землю. Автоматы на изготовку взяли.

- Ага! - крикнул из кустов Фриц - Рыжий лис. - Попался, Иван! Теперь не уйдёшь! Хватайте его!

Выскочили из лесу собаки.

Одна собака подпрыгнула, ухватилась за Иванову штанину.»

Что ж, так и ждать, пока собаки ноги отгрызут?» - сердито подумал Иван и рванулся из последних сил.

Не выдержали колючки - отпустили.

Свалился Иван прямо к товарищам.

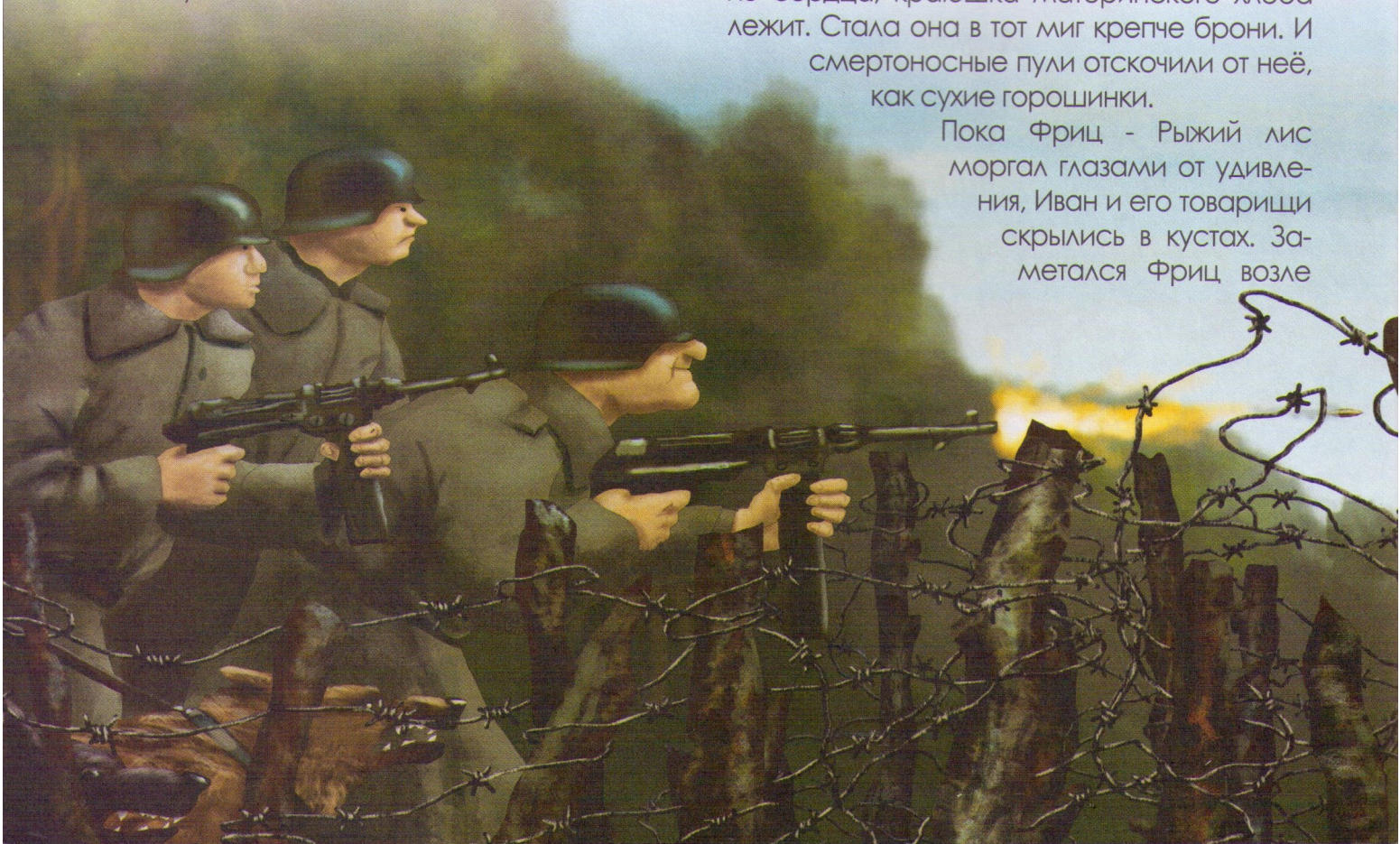
Фриц - Рыжий лис даже тьякнул по-собачьи.

- Стреляйте, - кричит, - в Ивана!

Поднял автомат и сам выстрелил Ивану прямо в грудь. Выстрелил - и увидел, как пули от Ивановой груди отскочили.

Не знал он, что за пазухой у Ивана, возле сердца, крошка материнского хлеба лежит. Стала она в тот миг крепче брони. И смертоносные пули отскочили от неё, как сухие горошинки.

Пока Фриц - Рыжий лис моргал глазами от удивления, Иван и его товарищи скрылись в кустах. Заметался Фриц возле

колючей проволоки. Под проволоку не подлезть. Перерезать её нечем.

Крикнул автоматчиком:

- Железный крест тому, кто на проволоку ляжет!

Куда там! Даже собаки хвосты поджали.

**Глава шестая,
в которой у Ивана появляются новые
друзья**

Солнце село. Темно стало в лесу. Тихо. Иван поторапливает товарищей.

Шли долго.

Потом под ногами захлюпало. Болото. Утонуть можно.

- Придётся подождать рассвета, - вздохнул Иван.

Отыскивали солдаты сухое местечко под деревом, да так и повалились от усталости.

Контуженный сказал тихо:

- С-сейчас бы п-поесть ч-чего.

- Да-а-а, - откликнулся Иван. - Ещё спасибо, рыжий накормил.

Все заулыбались, хотя очень устали и раны болели.

Нашупал Иван краюшку за пазухой. Вздохнул. Нет. Не крайний ещё случай... Ягод можно поесть... Воды напиться...

- Давайте спать по очереди. Я первый сторожу.

Задремали товарищи. А Иван глаз не смыкает, слушает, как лес шумит.

Под утро зашептались деревья: вершины их первыми видят, как небо светлеет, и всему лесу говорят об этом. Потом птицы загомонили, стали с утренней зорькой здороваться.»

Пора товарищей будить», - подумал Иван. Только хотел он сказать «подъём», как неподалёку ветка хрустнула. Не

под птицей, не под зверем, под человеческой ногой.

Поднял Иван автомат.

- Положь автомат. Не балуй, - сказал кто-то строгим басом. - Кто такие?

- А ты кто? - спросил Иван громко, чтобы товарищей разбудить. - Не вижу тебя.

- А чего на меня смотреть? Может, я тень от дерева, может, роса на траве. Пятеро вас?

- Ну...

- Не нукай. Не запряг. Как тебя в школе учили отвечать? «Да. Нас пятеро».

Проснулись товарищи Ивана. Ворочают головами со сна, не поймут: с кем это Иван разговаривает?

- А вы, часом, не те ли пять Иванов, что вчера переполох наделали? спросил бас.

- Где переполох? Какой? - притворился Иван.

- Не по вашему ли следу собаки идут?

- Да что ты всё спрашиваешь? Сам ответь, кто ты такой? А не то!.. - Иван снова сердито вскинул автомат.

- Ай-ай-ай... Опять балуешь, чудак человек... Ведь мне-то вас лучше видать, я-то вас скорее перестрелять могу.

Опустил Иван автомат.

- Твоя правда. Выходи на свет. Может, столкуемся.

- Ну, гляди не испугайся, - сказал бас.

Дрогнули кусты, и вышел из них маленький, сухонький старичок. Борода седая, усы от

табака жёлтые. На ногах сапоги высокие. На голове шапка-ушанка. За плечом охотничье ружьё-двустволка.

Увидели Иван и его товарищи старичка, засмеялись.

- Ага! - прогудел старичок густым басом. - Не бойтесь, значит. Храбрые.

- Здравствуй, дедушка, - сказал Иван. - Как тебя звать-величать? Откуда идёшь? Что в лесу позабыл?

- Зови меня Дед-Столет, не ошибёшься. Откуда иду - отсюда не видать. А потерял я в лесу добрых молодцев, не сморчков, не строчков, а лесных боровичков. А вы кто будете, далеко ли собрались?

- Солдаты мы, - сказал Иван. - Попали фашистам в лапы. Да вот ушли. Идем солнцу навстречу.

- Ясно-понятно. Очень приятно. Вас-то я и жду, - пробасил Дед-Столет.

- А откуда ж ты про нас знаешь? - удивился Иван.

- По радио передали, по фашистскому, чтоб все части ихние выставили дозоры и засады, ловили пятерых русских Иванов, которые будут к фронту пробираться. А мы - партизаны. Вот меня с добрыми молодцами и послали вас перехватить и в отряд препроводить. В наш. В партизанский.

- А где ж твои добрые молодцы?

- Все здесь, - ответил дед. Сунул два пальца в рот да как свистнет.

Дрогнули кусты вокруг, и вышли из них двенадцать добрых молодцев. Усатые и безусые. Один другого статнее.

- Вот мои добрые молодцы, внуки мои и правнуки, - гордо сказал Дед-Столет. - Однако пора от собак уходить.

Хотел Иван с земли подняться - не смог, ослабел. И товарищи его встать не могут.

Подошёл к Ивану самый молоденький из молодцев. Ловко перевязал его раны. А руки у молодца маленькие и белые, будто девичьи. Глаза синие, большие, ласково глядят из-под длинных ресниц.

- Спасибо, - сказал Иван. - Как звать тебя, паренёк?

Покраснел паренёк, отвёл глаза и ответил:

- Алёнушкой.

- Нынче все воюют, - строго сказал Дед-Столет. - Старые и малые. Ребята и девчата. Весь народ. - И скомандовал: - Берите гостей под руки. И в путь!

Взяли партизаны солдат под руки, помогли на ноги встать.

Двое самых высоких Ивану плечи свои подставили. Опёрся на них Иван.

Партизаны рядом с ним маленькими показались, будто молодые дубки рядом с могучим дубом.

- Здоров вымахал, - с уважением сказал Дед-Столет и голову запрокинул, чтобы Ивану в лицо глянуть.

- Он у нас, как в сказке: не по дням, а по делам растёт, - сказал Николай.

Повёл Дед-Столет солдат через топи-болота, через ручьи и речки, лесами да перелесками. Повёл тропками нехоженными, кочками неприметными, где ни пешему, ни конному дороги нет.

И привёл в партизанский лагерь.

Глава седьмая, в которой мы будем радоваться вместе с Иваном

Собрались партизаны вокруг солдат. Накормили-напоили. Расспрашивают.

Потом Дед-Столет говорит:

- Сейчас я вас командиру представляю. Только так: лицо его увидите - не удивляйтесь и виду не подавайте. Лицо у него обожжённое. И он своего лица не знает, потому что мы все зеркала в лагере попрятали.

Спустились солдаты вслед за дедом в штабную землянку.

В землянке тепло. В печке дрова потрескивают.

За самодельным столом сидит человек в военной гимнастёрке. Лицо у него всё в шрамах от ожогов. И руки - в шрамах.

- Здравствуйте, товарищи, - сказал человек. - Вы и есть пять Иванов, за которыми фашисты охотятся? Знать, крепко им насолили!

Показался Ивану голос будто знакомым.

- Насолить не насолили, а уйти среди бела дня - ушли.

- Ишь как, - засмеялся партизанский командир. - Так запросто и ушли?

И смех показался Ивану знакомым. Где же он его слышал?

- Запросто не запросто, а стрельба была, - отвечает, а сам в командира всматривается.

И командир на Ивана глядит внимательно.

- А стрельба, говоришь, была? - и по лбу ладонью провёл.

И жест этот тоже знакомый.

Дрогнуло сердце у Ивана, шагнул он к командиру.

- Алёша, - сказал тихо, - Алёша, брат...

И командир - к Ивану:

- Иванушка!

Обнялись братья и замерли.

И все, кто в землянке был, замерли. Даже дрова в печке потрескивать перестали.

Так постояли братья в тишине, может, минуту, а может, час.

Кто-то всхлипнул.

Дед-Столет глаза бородой утёр.

И все тихонько из землянки вышли. Оставили братьев одних.

Алёша рассказал, как выскочил из горящего танка и отполз в кусты. Как нашли его внуки Деда-Столета. Принесли в свою деревню. Спрятали. Выходили.

Стали вспоминать они старушку мать, места родные, старшего брата своего Степана.

А потом Алёша спросил:

- Скажи мне прямо, Иван. Очень у меня страшное лицо?

- Лицо как лицо. Обгорелое немного. И без бровей проживёшь.

Улыбнулся Алёша:

- Все зеркала от меня в лагере попрятали. А я в ковшик с водой гляжусь. К новому своему лицу привыкаю.

Тут кто-то тихонько постучался в дверь. И обожжённое Алёшино лицо вдруг преобразилось, разгладилось, и глаза засияли ласково.

- Входи, - сказал Алёша.

Дверь отворилась, и вошла Алёнушка с котелком в руках.

- Обед принесла, товарищ командир.

Голос у Алёнушки - как колокольчик.

Поставила Алёнушка на стол котелок, ложки, хлеб, соль.

- Спасибо, Алёнушка, садись с нами, - пригласил Алёша.

Алёнушка ломаться не стала, присела к столу.

Тут достал Иван из-за пазухи краюшку. Положил на стол.

- Вот. Мать этот хлеб испекла. На крайний случай.

А хлеб тёплый, будто сейчас испечённый, и пахнет от него ржаной мукой, парным молоком и лаской материнских рук.

Склонился над краюшкой Алёша, и страшные шрамы от ожогов на его лице будто стали незаметнее. Поцеловал он краюшку, смахнул с глаз непрошеную слезу, сказал:

- Дорогая память. Береги, брат, до крайнего случая.